

Ольга Шиллинг
Евгения Близкая

ШЕЙХ.
СПАСУ САД,
ЗАБЕРУ СЕРДЦЕ

Евгения Близкая
Ольга Шиллинг
Шейх. Спасу сад, заберу сердце

<https://litres.ru/74554069>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна, ландшафтный архитектор, приезжает в Стамбул, чтобы возродить мёртвый сад поместья Кемалья Демирхана — могущественного и холодного османского магната. Он не верит в её смелые идеи, но между ними вспыхивает опасная страсть. Противостояние с мачехой, интриги и покушения не сломят их любовь. Кемаль готов бросить весь мир к её ногам. Но сможет ли Анна спасти его сад и завоевать его сердце? История о страсти, власти и возрождении.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Шиллинг, Евгения Близкая Шейх. Спасу сад, заберу сердце

Шейх. Спасу сад, заберу сердце

Ольга Шиллинг

Евгения Близкая

Глава 1

Такси резко затормозило перед колоссальными коваными воротами поместья. Я уперлась ладонью в спинку переднего сиденья. Стамбул встретил меня удушающим, липким зноем и оглушительным криком чаек над Босфором, но сейчас я смотрела только на ворота. Черный металл, сплетенный в сложные османские узоры, казался непреодолимой стеной.

— Дальше нельзя, ханым, — таксист нервно сглотнул, бросив взгляд на вооруженную охрану по ту сторону решетки. — Они не пускают чужие машины.

Я расплатилась, стиснув зубы, и выбралась наружу. Тяжелый пластиковый тубус с чертежами тут же больно врезался в плечо, а чемодан на колесиках жалобно скрипнул по раскаленному асфальту. Охранники с каменными лицами остались у своих постов, когда я подошла к калитке. Один указал на узкую пешеходную дорожку — тем же коротким жестом, каким направил туда рабочего с ящиком. Я сильнее стиснула ручку чемодана.

Я перехватила тубус поудобнее и шагнула на территорию. Передо мной раскинулся сад. Точнее, то, что от него осталось. Это был настоящий зеленый монстр, пугающий своим грандиозным масштабом и вековой запущенностью. Огромные платаны глушили свет, одичавшие плетистые розы душили мраморные статуи, а из высохших фонтанов пахло

гнилой листвой. Мои пальцы невольно сжались. Под этой корой разрухи скрывался невероятный потенциал. Я уже видела линии будущих аллей, чувствовала текстуру новой земли. Это был вызов, ради которого я пересекла континент.

Первым делом мне нужен был генплан подземных коммуникаций. Я оставила чемодан у крыльца пристройки и решительно направилась к каморке главного садовника. Дверь была приоткрыта. Внутри пахло кислым табаком, сыростью и старой резиной. Старый садовник Осман-уста сидел за заваленным мусором столом и лениво тянул чай из тонкого стеклянного армуда.

— Мне нужна схема водоснабжения, — твердо сказала я, переступая порог. — Анна Бельская, новый ландшафтный архитектор по контракту.

Осман-уста смерил меня тяжелым, недоверчивым взглядом из-под седых бровей, оглядев от запыленных босоножек до выбившихся из строгого пучка волос. — Хозяин не давал приказа выдавать документы девчонкам с улицы. Жди Селим-бея или самого господина.

Волна горячего упрямства ударила мне в виски. Солнце уже поднималось над стеной, а мне еще предстояло проверить водоснабжение до начала работ. Шагнув к столу, я бесцеремонно отодвинула его остывающий чай, отбросила ворох накладных и выхватила из-под них пожелтевшую кальку с синими штампами гидросистемы.

— Эй, ханым! — рявкнул садовник, тяжело поднимаясь с

табурета. — Буду на участке, — бросила я, разворачиваясь к выходу. — Если господину Демирхану что-то не понравится, пусть скажет мне это лично.

Я вышла на центральную аллею, на ходу разворачивая чертеж. И тут же замерла. Тишину разорвал сухой хруст гравия под тяжелыми шинами. Три черных бронированных внедорожника плавно затормозили у парадного мраморного крыльца. Двери с глухим хлопком распахнулись. Воздух вокруг мгновенно стал тяжелым, плотным, словно перед грозой.

Из центральной машины вышел он. Мое сердце пропустило удар, а затем забилось в ребра тяжело и гулко. Кемаль Демирхан. Османский магнат, глава промышленной империи и хозяин этой земли. Он был выше, крупнее, чем на холодных фотоснимках в деловой прессе. Широкие плечи обтягивала ткань идеального темного костюма, а в каждом шаге сквозила сдерживаемая, смертоносная грация хищника. В его темных глазах плескался ледяной, вековой холод человека, привыкшего единолично распоряжаться судьбами людей.

Его свита суетливо рассыпалась по ступеням, но Кемаль смотрел только на заросли. С неприкрытой брезгливостью оглядывал иссохшие ветви. Я сложила схему коммуникаций и убрала ее в сумку. Глубоко вдохнула раскаленный воздух, сделала шаг вперед и достала из тубуса свой первый эскиз — смелый, живой проект, который должен был разбудить это мертвое царство.

— Господин Демирхан, — я заговорила громче, перекрывая разговоры его свиты. — Анна Бельская. Я подготовила концепт первой фазы реконструкции.

Он остановился как вкопанный. Медленно, словно нехотя, повернулся ко мне. Он нахмурился и посмотрел на мой тубус, словно я загородила ему дорогу. Кемаль молча протянул руку с массивным золотым фамильным перстнем на пальце. Я вложила в нее плотный лист. Он продолжал смотреть мне в лицо. Его сильные пальцы сжались, и в повисшей тишине сухо и резко треснула бумага. Он разорвал эскиз пополам. Затем еще раз. И небрежно швырнул обрывки прямо мне под ноги, в серую пыль дорожки.

— Мне не нужны фантазии чужаков, — его голос оказался низким, гортанным, пробирающим до самого основания черепа. — Здесь будет строгий традиционный османский парк. Идеальные газоны, геометрия, красные розы. Никаких европейских вольностей.

Кто-то из его окружения за спиной тихо и ядовито усмехнулся. Мои щеки обожгло стыдом, но стыд тут же переплавился в ярость. Любая другая наемная чертежница на моем месте опустила бы глаза и забормотала извинения. Но я опустила на колени, собрала с пыльного гравия разорванные куски, убрала их в сумку и медленно выпрямилась, глядя прямо в его темные, непроницаемые зрачки.

— Вы боитесь, — отчетливо, так, чтобы каждое слово долетело до его свиты, сказала я. — До смерти боитесь, что жи-

вая природа разрушит ваш стерильный, мертвый контроль.

В воздухе повисла звенящая, опасная пауза. Охрана замерла, готовая скрутить меня. Лицо Кемаля словно высекли из темного базальта. Он сделал широкий шаг вперед, мгновенно стирая дистанцию, вторгаясь в мое дыхание. От него пахло горьким кедром, крепким эспрессо и раскаленным металлом власти. — Что ты сказала? — выдохнул он мне в лицо.

Я выдержала его давящий взгляд. Потом развернулась, подошла вплотную к капоту его сверкающего внедорожника и расстелила на горячем металле второй, запасной чертеж. Водитель испуганно вскрикнул; я прижала угол бумаги ладонью. Самый дерзкий. С бурными каскадами, террасами диких орхидей и свободными линиями. — Я сказала, что вы пригласили меня, потому что ваша мертвая классика задыхается. Посмотрите сюда. Это — живой сад, который дышит. А то, чего требуете вы — это роскошное кладбище.

Крылья его носа дрогнули. Он опёрся тяжелыми кулаками о капот по обе стороны от моих бедер, нависая надо мной. Жар его тела и нагретого двигателя обдавали меня волнами, от которых покалывало кожу. — Если к вечеру на моем столе не будет классического плана, ты вылетишь обратно в свою страну первым же утренним рейсом, — жестко, чеканя каждое слово, отрезал он. — А до тех пор бухгалтерия не выплатит тебе ни единой лиры аванса.

Я смотрела на резкую линию его челюсти, на темную тень

щетины и понимала: если я сломаюсь сейчас, он превратит меня в бессловесную тень. Я свернула чертеж, тщательно совместив края, закрутила крышку тубуса и закинула ремень на плечо. — Тогда не будем тратить время друг друга, господин Демирхан. Можете оставить свои миллионы при себе. Я аннулирую договор. Найдите себе покорного садовника, который будет стричь для вас мертвую траву.

Я развернулась на каблуках и зашагала к кованым воротам. Спина была натянута как струна, хотя в коленях предательски дрожало. Этот проект был делом моей жизни, моим шансом заявить о себе на весь мир, но продавать свое достоинство я не собиралась. Под каблуками хрустел гравий. Ворота уже были близко.

— Стой. Голос хлестнул по воздуху, как выстрел. Я замерла лицом к воротам. За спиной раздались тяжелые шаги, хруст гравия приближался. Кемаль подошел вплотную, так близко, что тепло его широкой груди коснулось моих лопаток. — Ты останешься, — его голос стал тише, глубже, в нем зазвучало опасное, хищное любопытство. — Я удваиваю бюджет проекта. И я лично посмотрю, как ты разобьешься со своими дикими идеями. Но работать ты будешь под жестким контролем управляющего. За каждый вбитый колышек — письменный отчет.

Я резко повернулась кругом. Мы стояли в десятке сантиметров друг от друга. — Нет. Никаких надзирателей. Сад — моя территория. Полная свобода инженерных решений. Тон-

кие губы Кемалья тронула едва заметная, жесткая полуулыбка. — До завтрашнего полудня. Покажи мне первые живые посадки. Или я лично прикажу выставить тебя за ограду без чемоданов.

Я дождалась его короткого кивка на мои условия и пошла за чемоданом. До полудня оставалось время заказать рассадку; затем я занялась техникой.

Полуденный зной заливал поместье раскаленным маревом. Мне нужна была тяжелая техника, чтобы снять мертвую дернину и расчистить завалы вокруг пересохших каналов. Быстрым шагом я направилась к хозяйственному двору, но путь к ангарам перекрывали массивные железные створки с тяжелым навесным замком.

Я дернула ручку. Замок звякнул о створку; стальная ручка больно вдавилась мне в ладонь. — Ищите что-то, ханым? Из тени навеса ленивой походкой вышел тощий мужчина в помятом пиджаке с бегающими водянистыми глазками. Управляющий поместьем, Селим-бей. На его лице сияло неприкрытое злорадство. — Откройте ангар. Мне нужны мини-тракторы, культиваторы и шанцевый инструмент. Немедленно. — Увы, — он картинно развел руками. — Ключи от хозяйственного блока уехали с главным инженером в город на переучет. Придется подождать до понедельника.

Он упивался моей беспомощностью. Это был спланированный, трусливый саботаж: Селим-бей знал о поставленном Кемалем жестком сроке и рассчитывал выслужиться пе-

ред хозяином, списав срыв на мою некомпетентность. Холодная злость вытеснила усталость. Я молча сбросила тубус на ящики, села на шершавые доски и достала телефон. Селим-бей насторожился: — Что вы задумали? — Свою работу, — отрезала я, листая базу контактов спецтехники Стамбула. Нашла прямой номер крупной прокатной базы. Гудок, второй. — Слушаю вас. — Добрый день. Это Анна Бельская, главный архитектор поместья Демирхан. Мне требуются два компактных экскаватора с гидробурами, бригада землекопов и комплект навесного оборудования. Доставка на береговой участок. — Госпожа Бельская, по регламенту нам требуется гарантийный транш от юридического лица поместья, — ответил вежливый диспетчер. — Оплата от поместья пока не подтверждена. Личное бронирование возможно с вашего счета; сейчас пришлю реквизиты.

Селим-бей самодовольно ухмыльнулся, скрестив тощие руки на груди. Мои пальцы заledenели. На моем личном счету лежали последние сбережения — гонорар за предыдущий проект в Греции, отложенный на жизнь. Если я переведу их сейчас, у меня не останется ни гроша на обратный билет. Но отступить значило признать поражение. Я включила громкую связь. На экран пришло сообщение диспетчера с реквизитами; я открыла онлайн-банк и скопировала их в платеж. — Я оплачиваю срочную подачу с личного счета по двойному тарифу. Платеж ушел. Техника должна быть у ворот через час.

Раздался характерный сигнал подтверждения транзакции. Селим-бей позеленел. Его фальшивая улыбка мгновенно слетела. — Вы с ума сошли?! — взвизгнул он, делая выпад ко мне. — Это прямое нарушение субординации поместья! Я не пропущу машины через КПП! Он потянулся своей липкой рукой к моему экрану, чтобы выбить телефон. Я вскочила на ноги и со всего размаха хлестнула его по запястью ребром ладони. Звук удара щелкнул среди каменных стен. — Руки убрал, — процедила я, и в моем взгляде было столько бешенства, что управляющий попятился. В трубку я добавила: — Адрес подтвержден. Встречаю у северного въезда.

— Что здесь происходит? Глубокий, низкий баритон разрезал духоту двора. Кемаль Демирхан стоял у ствола векового платана. Без пиджака, в расстегнутой на две пуговицы белоснежной рубашке, с засученными до локтей рукавами. Его взгляд был тяжелым, колючим. Селим-бей мгновенно согнулся в три погибели, лепеча: — Господин... эта иностранка... она самоуправствует... заказывает сторонние бригады в обход протокола безопасности...

Глава 2

Я шагнула прямо к Кемалю, развернув к нему экран телефона с выпиской о списании средств: — Ваш управляющий запер склад и сорвал работу, господин Демирхан. Я выкупила необходимое время за свои собственные деньги, потому что ваш ультиматум истекает завтра. Если ваши слуги саботируют процесс, я завершу его вопреки им. Я тяжело дышала, глядя прямо в его прищуренные глаза. Я ждала вспышки гнева: я ударила его человека, нарушила все протоколы закрытого клана.

Кемаль молчал. Его взгляд неторопливо скользнул по моей напряженной руке, по вздымающейся от ярости груди. Он задержался на сумме списания, затем посмотрел мне в лицо. Уголок его рта дрогнул, и я впервые ощутила: он оценивает меня всерьез. Он медленно опустил руку в карман брюк. Достал тяжелый ключ из потемневшей латуни с выгравированным гербом рода — волчьей головой. Помедлив, бросил его мне. Я машинально поймала его на лету. Металл сохранил обжигающее тепло его ладони. Селим-бей придушенно охнул. На головке ключа стояла буква «Х» — такую же я видела на дверях хозяйственного блока. — Ни одна дверь на этой территории больше не посмеет закрыться перед тобой, — негромко произнес Кемаль Демирхан, глядя прямо на управляющего. Затем развернулся и зашагал к главному

дому.

Я подошла к тяжелым дверям ангара, вставила ключ в навесной замок. Механизм провернулся мягко и маслянисто. Я сняла замок и откинула запор. Створки разошлись с глухим гулом. Внутри пахло сухой травой, машинным маслом и древней прохладой. Вдоль стен лежали штабеля инвентаря, но мое внимание привлек дальний верстак. Там, аккуратно уложенные на грубой ткани, лежали кованые вручную секаторы, садовые пилы и медные лейки с тонкой гравировкой. Я провела пальцами по потемневшему полированному дереву ручек. Этими вещами пользовались бережно и с огромной любовью. Чьи-то чуткие руки создавали этот сад задолго до того, как его запустили. Я задержала ладонь на ручке старого секатора. Кто так любил этот сад — и почему здесь годами позволяли розам душить мрамор?

Я убрала старые инструменты обратно на ткань и вышла встречать нанятую бригаду. Вскоре к северному въезду подошла техника, а за ней привезли рассаду.

К сумеркам мышцы гудели от изнеможения. Прибывшая техника сняла сухой дерн, открыв влажный слой живой земли. Я была перепачкана пылью, взмокла и мечтала только об одном: смыть с себя эту грязь и разложить рабочие чертежи на столе. Двое слуг несли мой чемодан. Я шла следом по боковой дорожке, но они свернули к ветхой, покосившейся деревянной пристройке у самой каменной ограды, откуда пахло сыростью и застоявшейся болотной водой. — Стойте. Ку-

да вы тащите мои вещи? — я преградила им дорогу. — Здесь нельзя жить, не то что работать с чертежами! — Распоряжение Селим-бея, ханым, — безучастно бросил один из них, ставя чемодан на сырую траву.

Опять мелкая месть униженного клерка. Я сжала кулаки и резко развернулась, собираясь идти в наступление на управляющего, но со всего размаха налетела на широкую мужскую грудь. Кемаль возник за моей спиной совершенно бесшумно. Его взгляд скользнул по плесени на стенах лачуги, затем впился в слуг. Воздух вокруг него словно опустился ниже нуля. — В главное крыло, — каждое слово прозвучало тихо, но слуги мгновенно посерели от ужаса. — В восточную спальню рядом с моими покоями. Быстро.

Они подхватили чемодан и буквально бегом припустили по мраморной лестнице дворца. Я должна была бы выдохнуть с облегчением, но внутри все сжалось от тревоги. Главное крыло. Рядом с его личными комнатами. Это было слишком близко. Слишком интимно. — Мне не нужны барские милости, господин Демирхан, — процедила я, поднимаясь следом за ним по широким ступеням. — Мне нужно просто сухое рабочее место. Я требую соблюдения дистанции.

Он распахнул передо мной тяжелые дубовые двери. Спальня поражала роскошью: шелковые обои, приглушенный свет, огромная кровать под балдахином. Но мой взгляд тут же приковала вторая дверь в глубине комнаты — массивная, с бронзовой ручкой, ведущая в соседнее помещение.

— Твоя дистанция, — Кемаль шагнул к комоду и с сухим стуком бросил на полированное дерево витой ключ. — Если боишься меня — запири замок.

Он вышел в коридор, оставив меня у комода. Слово «боишься» обожгло, как хлыст. Я дождалась, пока слуги поставят чемодан и уйдут, умылась и переоделась в чистую рубашку. Потом взяла ключ, подошла к смежной двери, поставила его в скважину и с яростным усилием повернула. Внутри замка скрежетнул металл. Ключ повернулся лишь на четверть оборота и намертво встал. Ригель застрял в корпусе, а сама тяжелая створка приоткрылась на пару сантиметров. Я выругалась сквозь зубы, с силой толкнула дверь ладонью, намереваясь крикнуть ему, чтобы он вызвал мастера.

Дверь бесшумно распахнулась настежь. Воздух застрял у меня в горле. Я шагнула прямо в его личную ванную, отделанную графитовым мрамором. Густые клубы теплого пара стояли под сводчатым потолком, в воздухе витал терпкий аромат кедрового масла и влажного мыла. Кемаль стоял у мраморной чаши в трех шагах от меня. Он только что вышел из-под душа. На его узких бедрах держалось лишь белоснежное полотенце. Крупные капли воды медленно стекали по широким рельефным плечам, очерчивали глубокую ложбинку на мускулистой спине и блестели на смуглой коже. С каждой каплей взгляд спускался ниже; я поспешно подняла глаза к его лицу.

Он неторопливо обернулся, встретил мой взгляд и чуть

склонил голову. Уголок рта дрогнул, словно он ждал, что я сделаю дальше. Кровь прилила к моим щекам, обжигая кожу. Разум требовал немедленно отвернуться, выбежать, захлопнуть створку. Но я стояла в дверях, вцепившись в ручку. Мой взгляд скользил по каплям влаги на его мускулистой груди, по четким линиям пресса, по темным мокрым волосам, падающим на лоб. Кемаль шагнул ко мне. Босые ступни мягко коснулись влажного камня. — Не получается запереть, Анна? — его голос стал хриплым, низким, отдаваясь мелкой вибрацией где-то под ребрами. Я судорожно вскинула подбородок, отчаянно цепляясь за остатки самообладания. — Замок неисправен. Он шагнул еще ближе. Между нами оставался один шаг. От его влажной кожи исходил ощутимый жар, лишавший воли. — Десять минут на сборы, — вдруг сухо и резко приказал он, сбрасывая наваждение. — Мы выходим на яхте в пролив. Там ты покажешь мне детальные расчеты. У тебя есть вечер, чтобы доказать, что этот проект стоит моих денег.

Он развернулся к зеркалу, а я выскочила в свою комнату и с силой прижала непокорную дверь, прислонившись к ней дрожащей спиной. Сердце колотилось о ребра, как птица в силках, а кончики пальцев все еще помнили жар парной. Я прижала ладонь к груди, пытаясь унять сердцебиение. Перед глазами все еще блестели капли на его плечах.

Переодевшись для вечернего ветра, я собрала уцелевшие чертежи. Пока команда готовила яхту, успела передать бри-

гадиру задания на ночь.

Через час над пирсом уже сгущались синие сумерки. Пронизывающий, влажный ветер с пролива трепал полы моей ветровки и рвал из рук папку с планом посадок. У частного причала покачивалась на черной воде колоссальная белоснежная яхта с хищными обводами. — Я никуда не поплыву! — крикнула я, перекрывая гул волн, бьющих о бетон. — Мне нужно контролировать доставку грунта! Завтра к полудню клумбы должны быть засажены! — Ты идешь со мной, — Кемаль обернулся от трапа и обошел меня. Он подошел сзади, его широкие ладони властно легли мне на талию. Прежде чем я успела возмутиться, он легко оторвал меня от причала и перенес по широкому трапу на тиковую палубу. Я вцепилась в его плечи; под пальцами напряглись мышцы, а папку пришлось прижать локтем к груди.

С мостика отозвался капитан, матрос убрал трап. Яхта взревела дизелями и набрала ход, разрезая крутую волну Босфора. Корпус опасно накренился. Палуба ушла из-под ног, я потеряла равновесие и полетела назад, но сильные руки Кемалья намертво перехватили меня за талию, прижимая спиной к своей каменной груди. Я повернула голову, и щека коснулась ткани его расстегнутой куртки, соленые брызги обожгли губы. Я попыталась высвободиться из этой стальной хватки, лихорадочно раскрывая папку: — Смета на орошение... — начала я, стараясь выровнять дыхание. Кемаль накрыл пальцами мое запястье, опуская бумаги вниз: — От

кого ты сбежала сюда из Европы, Анна? — его вопрос прозвучал резко, безжалостно срывая все деловые условности.

Я замерла, вцепившись свободной рукой в ледяной металлический поручень борта. Ветер яростно бил в лицо, разнося пену. — Это не имеет отношения к контракту, господин Демирхан. Он шагнул вперед, прижимая меня к леерам своим телом, отсекая путь к отступлению. — На этой земле меня касается все. Кто посмел тебя ранить? — Никто меня не ранил! — крикнула я, разворачиваясь к нему лицом. Расстояние между нашими губами сократилось до считанных сантиметров. В его темных глазах бушевала настоящая буря, отражая свет мачт. Я чувствовала соленый вкус моря на губах, холод металла за спиной и обжигающий огонь его близости. Мне хотелось оттолкнуть его, ударить — и одновременно прижаться к нему всем телом.

В этот момент бешеный порыв шквала налетел на открытую палубу. Папка выскользнула из моих занемевших пальцев. Белые листы чертежей взметнулись в воздух, как испуганные птицы, и рассыпались по мокрым доскам. — Нет! — вскрикнула я, бросаясь за ними на колени. Кемаль бросился следом. Мы одновременно упали на мокрый тик, пытаюсь удержать разлетающийся проект. Моя ладонь прижала главный лист с водопадом, и в ту же секунду его тяжелая ладонь опустилась прямо поверх моих пальцев. Кожа к коже. Словно электрический разряд прошел тело от пальцев до самого сердца. Я замерла, боясь шелохнуться. Кемаль удержи-

вал и мои пальцы, и прижатый ими лист. Его большой палец медленно, почти гипнотически провел по моим костяшкам, смывая соленую каплю. Вокруг ревели волны, выл штормовой ветер, брызги хлестали по лицам, а я слышала собственное неровное дыхание. Я смотрела ему в глаза и вдруг забыла, что собиралась выдернуть руку.

Когда яхта мягко пришвартовалась у ночного пирса поместья, я стояла у трапа, обхватив плечи руками, дрожа от холода и пережитого волнения. Моя дерзость, крики, эмоциональный срыв на палубе — я переступила все мыслимые границы делового этикета. Я была уверена, что сейчас он холодно укажет мне на выход.

Кемаль подошел неслышно. В его руке был тот самый лист — влажный от морской пены, со следами наших пальцев. Он положил лист на крышку палубного столика, достал из кармана ручку и размашистым, твердым росчерком подписал чертеж прямо поверх каскада: «Утверждено. Кемаль Демирхан». Затем он вложил бумагу в мои онемевшие руки и наклонился к самому моему уху: — Твой проект принят, Анна Бельская, — его горячий шепот опалил озябшую кожу. — Финансирование открыто в полном объеме. Но помни: с этой минуты ты находишься под моим личным присмотром. День и ночь.

Он развернулся и первым сошел на причал. А я осталась стоять у трапа, сжимая в руках подписанный лист. Я смотрела на его удаляющуюся широкую фигуру и с пугающей яс-

ностью осознавала: я победила в первом раунде, я отвоевала свой сад и вырвала у него признание. Но цена этой победы оказалась колоссальной. Теперь у меня были деньги на сад, ночь для первого результата — и его обещание быть рядом день и ночь. Я убрала подписанный лист в папку. Работу я знала. С тем, как дрожали пальцы после его шепота, предстояло разобраться.

Глава 3

Я толкнула дверь кухни задолго до рассвета. Огромное помещение сияло сталью и белым мрамором. Утро началось с холодной войны. Прислуга уже суетилась, готовя завтрак, но стоило мне переступить порог, как разговоры смолкли. Две горничные демонстративно отвернулись, а повар, наре-завший фрукты, сделал вид, что я — пустое место. Я была чужой. Иностранным подрядчиком, который почему-то поселился в хозяйском крыле.

Я взяла с полки чашку, молча подошла к сверкающей кофемашине, нашла зерна, перемолола их и заварила себе крепкий эспрессо. Аромат свежего кофе смешался с запахом выпечки. — Слишком много робусты. Будет горчить. Голос прозвучал совсем рядом, низкий и хриплый со сна. Я вздрогнула и резко обернулась, едва не расплескав кофе.

Кемаль стоял, прислонившись плечом к дверному косяку. Я привыкла видеть его в безупречной броне дорогих костюмов, но сейчас... На нем были простые серые домашние штаны, низко сидящие на узких бедрах. Плечи и грудь были открыты. Мощный торс с рельефной мускулатурой, покрытый легкой испариной после утренней тренировки, и слегка рас-трепанные темные волосы. Этот расслабленный, домашний и интимный вид выбил у меня землю из-под ног. Хищник на отдыхе оказался еще более опасным. — Я люблю горький, —

ответила я, заставляя себя смотреть ему в глаза, а не на темные дорожки волос на его груди. Он подошел ближе, забрал чашку прямо из моих рук и сделал неторопливый глоток. Я сглотнула, глядя, как двигается его кадык. — Сегодня придут цистерны с водой, — сказала я, пытаясь вернуть разговор в профессиональное русло. — Мне нужен приоритетный доступ к системе полива с восьми до десяти утра. Селим-бей требует, чтобы я ждала до обеда, но солнце сожжет свежие посадки. Кемаль поставил чашку на стол. Его взгляд потемнел. — С этого момента весь график подчиняется тебе, Анна, — он отодвинул чашку, словно вопрос был уже решен. — Вода, люди, время. Ты диктуешь условия.

Это было открытое признание моей власти над его землей. Я кивнула, потянулась за чашкой и случайно коснулась его руки на столешнице. От этого короткого контакта кожа вспыхнула; я забрала кофе и поспешила в сад. На улице пахло сырой землей и утренней росой. Я подошла к клумбе, где мы с бригадой вчера работали до поздней ночи: вернувшись с яхты, я успела закончить посадку. Я опустилась на колени; влажная грязь пропитала ткань джинсов. И замерла. Высаженная ночью рассада расправила листья, на тонких стеблях блестела роса. Первый живой результат моей работы. Эта земля, мертвая столько лет, ответила мне.

Внезапно раздался резкий металлический лязг. Я подняла голову и увидела, как у насосной станции Селим-бей с перекошенным от злобы лицом остервенело крутит главный вен-

тиль водоснабжения, наглухо перекрывая подачу к моим новым секторам. — Что вы делаете?! — крикнула я, бросаясь к нему по гравию. — Вы убьете рассаду! — Профилактика труб, ханым. Приказ службы безопасности, — управляющий мерзко улыбнулся, продолжая наваливаться на вентиль.

До насосной оставалось несколько шагов, когда из-за живой изгороди бесшумной тенью вынырнул Кемаль. Он все еще был без рубашки, но теперь от него исходила аура чистого, концентрированного гнева. Он шагнул к Селим-бею, схватил его за ворот рубашки, оторвал тощее тело от земли и швырнул на острый гравий. — Пошел вон, — голос Кемалья был негромким, но от него мороз пробежал по коже. — Г-господин Демирхан... — залепетал управляющий, ползая в пыли. — Я только хотел... — Ты уволен. У тебя час, чтобы собрать тряпье и покинуть поместье. Если через час охрана увидит тебя на моей земле, ты пожалеешь, что родился на свет.

Охрана, появившаяся словно из-под земли, подхватила управляющего под мышки и поволокла к выходу. Кемаль подошел к вентилю и сам, одним мощным движением плеч, повернул заржавевшее колесо. Вода с гулким шипением побежала по трубам к моим пересохшим грядкам. — Спасибо, — тихо сказала я, подходя ближе. Мое сердце колотилось в горле от той первобытной ярости, которую он только что продемонстрировал ради сада. — Вы защитили мою работу. Он повернулся ко мне, тяжело дыша. — Покажи мне, что ты

защищала, Анна.

Я подвела его к клумбе. Осторожно, кончиками пальцев коснулась лепестка едва распустившегося белого цветка. Потом положила ладонь на землю рядом с ним. — Это первый. Он ваш. Символ возрождения этого дома. Кемаль следил за моими пальцами у стебля. А затем его широкая, теплая ладонь опустилась поверх моей руки. Его длинные пальцы медленно, почти гипнотически переплелись с моими, прижимая мою ладонь к влажной земле, к корням, к самой жизни. Этот жест был ошеломляюще интимным, властным и собственническим. Мое дыхание сорвалось. От его прикосновения по венам ударила горячая волна. Испугавшись этой внезапной вспышки, я резко выдернула руку и отступила на шаг назад. Он медленно выпрямился во весь рост, в его глазах горело темное пламя. — Беги, пока можешь, — хрипло произнес он, оглядывая меня с ног до головы. — Но мы оба знаем, чем это закончится. И это произойдет скоро.

Я вернулась к рассаде, оставив его у клумбы. К полудню бригада закончила полив; я успела показать Кемалю весь первый участок.

Днем разразилась катастрофа. Я сидела в импровизированном кабинете на террасе, обложившись каталогами питомников. Для центральной композиции оранжереи, согласно утвержденному проекту, требовались голубые орхидеи ванда. Я обзвонила базы Анкары, Измира, Стамбула. В трех питомниках мне отказали, из четвертого прислали фото бе-

лых цветов. Все предлагали ждать следующей поставки. Моя идеальная концепция рушилась, и я в отчаянии грызла колпачок ручки, пытаясь подобрать компромиссную, скучную замену.

Тень легла на чертежный лист. Кемаль подошел сзади, оперся руками о спинку моего кресла и заглянул в расчеты. — В чем заминка? — спросил он. — Голубые орхидеи. Питомники, с которыми я работаю, смогут привезти их только через месяц. Придется ломать колористику и сажать обычные белые фаленопсисы, — с горечью ответила я, зачеркивая позицию в смете. Он молча потянулся через мое плечо, выхватил из-под моей руки лист с вычеркнутой строкой. — Что вы делаете?! — я возмущенно вскочила со стула. — Это рабочие документы, верните! Я должна пересчитать баланс освещения! — Прекрати суесться, — властно осадил он, складывая лист пополам и пряча во внутренний карман пиджака. — Просто жди два часа. Никаких компромиссов.

Я злилась, мерила шагами террасу, ожидая, что он просто пришлет какого-нибудь местного курьера из захудалой теплицы с крашеными подделками. Через два часа над заливом раздался нарастающий, оглушительный рев турбин. Кроны кипарисов согнулись от шквального ветра. Я выскочила к парапету террасы. Над вертолетной площадкой у воды завис огромный черный личный вертолет Кемалья с фамильным гербом Демирханов. Он тяжело опустился на бетон, поднимая тучи сухой пыли. Из грузового отсека рослые

охранники начали осторожно выгружать тяжелые климатические боксы с маркировкой живых растений. Я побежала к площадке, придерживая волосы от ветра. Кемаль шагнул мне навстречу, на ходу снимая темные очки. — Сингапурская партия, — бросил он, кивнув на контейнеры. — Уже была на складе импортера под Стамбулом, зарезервирована для другого покупателя. Я договорился с ним. Твои голубые орхидеи. В полном объеме.

Я смотрела на него в онемении. Масштаб его возможностей, его сокрушительная, баснословная щедрость не укладывались в голове. Выкупить чужой заказ и поднять в воздух частный борт ради одного каприза в моем эскизе? — Я... я не могу это принять, господин Демирхан, — прошептала я, качая головой. — Это баснословные деньги. Это выходит за любые рамки утвержденной сметы. Он подошел вплотную, взял меня за подбородок, заставляя поднять лицо. Его пальцы были жесткими, но бережными. — Твои цветы, Анна. Я хочу увидеть их здесь. И хочу, чтобы ты осталась. Привыкай к тому, что для тебя нет невозможного, пока я рядом.

Мы перенесли контейнеры в старую оранжерею. Внутри царила плотная тропическая влажность. Я открывала климатические замки непослушными, дрожащими пальцами, бережно доставая невероятной красоты растения с сапфировыми, бархатистыми лепестками. Кемаль сбросил пиджак и остался помогать мне распаковывать ящики. Орхидеи мы закрепляли в подвесных корзинах, а для других посадок он

переносил тяжелые керамические горшки с грунтом. В какой-то момент глиняный ком выскользнул из надтреснутого горшка, и жирная, черная земля густо мазнула по его белоснежной рубашке, оставляя темный след на груди и плече. Он машинально провел испачканной рукой по лицу, и на скуле осталась полоса. — О боже, простите... — я инстинктивно подалась к нему. Всякая социальная дистанция рухнула. Мы стояли в душном полумраке оранжереи, среди влажного тепла, густого запаха мокрого торфа и цветущих орхидей. На рубашке Кемаль темнели пятна влаги, на моих висках выступил пот. Я подняла руку и робко попыталась стереть пятно сырой земли с его острой скулы. Мои пальцы коснулись его горячий, слегка колючей щеки. Кемаль перехватил мою кисть, прижимая мою ладонь к своему лицу. Его глаза потемнели, став почти черными. Воздух в оранжерее казался густым от затаенного дыхания. Мы замерли в миллиметре друг от друга. Его губы дрогнули, тепло его дыхания коснулось моих губ. Свободной рукой я уперлась ему в грудь и почувствовала тяжелые удары сердца под испачканной рубашкой. Это было мучительное, сладкое преддверие поцелуя, от которого кружилась голова. Но Кемаль сдержал свой хищный порыв. Он медленно отпустил мою руку и сделал шаг назад, оставляя меня дрожать среди распустившихся орхидей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.